

О.И.Вендина
**МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ. ИСТОРИЯ ОБ
ИСТОРИИ СОПЕРНИЧЕСТВА
РОССИЙСКИХ СТОЛИЦ***

* См. также: Вендин а О. И. Москва – образ города, не похожий на портрет. // Политика, 2001, №3. С. 71-93.

Тема соперничества Москвы и Петербурга за право именоваться истинной столицей России снова привлекла общее внимание. При этом поражает не столько смысл споров, сколько инверсия их тематики, живучесть сюжетов и аргументов. В начале века противопоставлялись западничество и самобытность Руси. После революции речь уже шла о роли Востока и Запада в российской истории. В предвоенные и послевоенные годы говорили о различии между «интеллигентностью» Питера и «простонародностью» Москвы. Сегодня спор идет о том, кто является наследником и действительным носителем знаменитой российской духовности и культуры.

В теме соперничества двух столиц особое место занимают мифы. Основание, рост и упадок столиц всегда находятся в тесной связи с идеями государственного строительства. Им отводится главенствующая роль в государстве, для их украшения и развития расходуются огромные средства, они служат ареной и проводником «главных» нововведений. При этом будничным образ реальных городов целенаправленно мифологизируется в соответствии с проводимой политикой, ее стержневыми идеями.

Одновременно в народном сознании складываются расхожие мнения о жизни в столицах. Они передаются «из уст в уста» и играют роль наиболее достоверного знания, хотя, по сути, являются бытовыми мифами.

В возникновении мифов можно проследить некоторую последовательность, но нельзя установить сменяемость или наследственность, так как ни один из них окончательно не исчезает. Можно скорее говорить о наибольшей популярности тех или иных мифов в конкретный период времени, а также об их видоизменяемости.

В разговоре о соперничестве двух столиц наибольший интерес представляют мифы государственные и бытовые. Литературные образы, такие как, «Петербург Достоевского» или «Петербург Гоголя», «Москва Островского», оставим в стороне, так как они достаточно хорошо изучены, и пришлось бы повторяться, цитируя работы литературоведов.

Обращаясь к теме мифов в жизни Москвы и Петербурга, невозможно не упомянуть о Киеве. Сегодня, когда Киев расположен за пределами России и является столицей другого государства, кажется

странным вспоминать об этом. Но Киев является таким мощным полюсом российской истории и началом всех начал, включая и многочисленные противоречия последующего развития, что невозможно не оглянуться на «прекраснейший из городов русских». Причин две. Во-первых, это был первый город Древней Руси, который не только воспринял от Константинополя идею «священного города» как действительную силу консолидации народа и государства, но и реализовал ее. Во-вторых, в Киеве были посеяны противоречия, давшие обильные всходы в трехвековых спорах между Москвой и Петербургом.

Русский религиозный философ Г. Федотов обратил внимание на двоякую роль славянизации Библии и языка литургии. Приняв христианство, тогдашняя элита поспешила, с одной стороны, избавиться от опеки иностранных учителей, прежде всего – греков, а с другой стороны стремилась сделать христианство понятным народу. Многие религиозно-философские труды, необходимые для практики того времени, были переведены на славянский язык. Это резко сократило потребность в изучении греческого и латинского языков, а следовательно сузило круг людей, осваивающих греко-латинское наследие во всех областях культуры. Русь пошла «своим путем», замкнувшись в пределах собственного языка, отодвинув культуру античности и оторвавшись от общеевропейских процессов. Много позже это породило раскол между славянофилами, культурно идентифицировавшими себя с Москвой, и западниками, приверженными Петербургу.

... именно в Киеве заложено зерно будущего раскола в русской культуре. ... На первый взгляд, как будто, славянский язык церкви, облегчая задачу христианизации народа, не дает возникнуть отчужденной от него греческой (латинской) интеллигенции. Да, но какой ценой? Ценой отрыва от классической традиции. Великолепный Киев XI-XII веков, восхищавший иноземцев своим блеском и нас изумляющий останками былой красоты, – Киев создавался на Византийской почве. Это, в конце концов, греческая окраина. Но за расцветом религиозной и материальной культуры нельзя проглядеть основного ущерба: научная, философская, литературная традиция Греции отсутствует. Переводы, наводнившие древнерусскую письменность, конечно, произвели отбор самонужнейшего, практически ценного: проповеди, жития святых, аскетика. Даже богословская мысль древней церкви осталась почти чуждой Руси¹.

Однако вернемся к Москве. Она также не осталась равнодушной к идее «священного города», но восприняла ее значительно позже, в начале XIV века, через Владимир и Новгород. В тяжелой борьбе за власть, полной интриг и вероломства, московским князьям удалось привлечь на свою сторону митрополита Петра, который с 1325 г. поселился в Москве. Но «деревянный город, со своими деревянными стенами, храмами и всеми жилыми зданиями, всегда готовая жертва для опустошительного пожара, не имел даже хотя и малого, но каменного соборного храма, соответствовавшего по своему благолепию высокому положению пребывавшего в нем митрополита всея Руси»².

¹ Г. П. Федотов, *Трагедия интеллигенции – Лицо России, т.1, статьи 1918-1930 гг., 2-е изд., УМКА-PRESS, 1988, с.82.*

² И. Забелин, *История города Москвы, 4.1, М., 1905, с.70.*

Возведение такого храма и стало основной заботой уже большого митрополита. Он сам заложил в августе 1326 г. камень в основание храма во имя Успения Богоматери, и, как гласит легенда, произнес пророческие слова, предрекавшие возвышение Москвы, если завершено будет строительство собора. Составители жития митрополита Петра передают слова, сказанные им князю Ивану Даниловичу:

Аще мене, сыну, послушаеши и Храм Пресвятой Богородицы воздвижеси в своем граде ... и сам прославишься паче иных князей, и сынове, и внуки твои в роды и роды; и град прославлен будет во всех градах русских; и святители поживут в нем...³

³ Москва 850 лет, юбилейное издание, п.1, М., «Московские учебники», с. 69.

Митрополит скончался в декабре 1326 г. и был похоронен в начатом соборе. Позднее московским князьям удалось добиться канонизации Петра, ставшего первым «московским и всея Руси чудотворцем». Успенский Собор был окончен в 1328 г., сразу став символом новой великокняжеской власти. Так что величие Москвы можно отсчитывать от этого события. Сами собой напрашиваются сравнения с апостолом Петром и Собором Св. Петра в Риме.

Однако, потребовалось еще более ста лет, чтобы Москва, уже став столицей Руси и утвердившись как «священный город», провозгласила себя «Третьим Римом», наследницей Константинополя и хранительницей православия. Справедливости ради отметим, что Москва была не единственным городом, претендовавшим на этот титул. В древнейшем варианте «три Рима» – это Троя, Рим и Константинополь. Эней, герой погибшей Трои, бежит в Лациум, где его потомок Ромул основывает Рим. Позднее император Константин Великий, приняв христианство, делает маленький городок Византию своей столицей, дав ему имя Царь-града, впоследствии Константинополя. Христианизация вытеснила из этой триады эллинскую Троию, оставив вакантным место «Третьего Рима». В XII-XIII веках на роль третьей мировой христианской столицы, в связи с упадком «первого» Рима и ослаблением «второго», претендуют сразу несколько городов: Трир в Германии, Тырново – столица Второго Болгарского Царства, а возможно и Киев, как слепок с Константинополя. Но государственная слабость, турецкие и монгольские завоевания сделали нереальными реализацию амбиций этих городов.

«Третий Рим» обрел реальность лишь после подписания Флорентийской унии (1439 г.), признававшей объединение западных и восточных христиан, главенство догматов католической церкви и Папы Римского, а следовательно, и подчиненную роль православия. Русская православная церковь, сыгравшая огромную роль в консолидации раздробленного российского государства и его освобождении от татаро-монгольского ига, тяготилась своим подчинением греческим иерархам, а уж о добровольном подчинении католической церкви не могло быть и речи. Осмысление исторической миссии русской православной церкви, чрезвычайная близость церковной и царской власти,

наконец брак Ивана III с Софией Палеолог в 1471 г. и принятие двуглавого орла – герба Византийской империи в качестве символа государственной власти Руси – все это привело к трансплантации идеи Третьего Рима на московскую почву.

Во внешнем облике города начали проявляться имперские амбиции, демонстрироваться могущество и сила веры. В российской столице были найдены «семь холмов»; план Москвы, особенно ее древнейшей части – Кремля, стал уподоблялся Иерусалиму; на Красной площади было сооружено Лобное место, как символ Голгофы и центра мироздания, двуглавые орлы увенчали все правительственные здания, дворцы и приказы. Для устройства «Третьего Рима» было приглашено множество «иностранных специалистов» – итальянцев, греков, действительно внесших огромный вклад в изменение облика средневековой Москвы.

Но уже к XVII веку, созданное Москвой молодое обширное государство заметно одряхлело. Его поражают бесконечные бунты, чудовищное насилие, церковный раскол. «Интеллигенция» того времени бежит из государства. «Миф» Москвы изменяется. Теперь о «Третьем Риме» отзываются весьма нелестно: «Народ на Москве глуп...», «В Москве жить не с кем...». Иностранные путешественники и собственные «инакомыслящие» тиражируют легенду о поголовном пьянстве, безделье и никчемности русских. Общий приговор: «дикость и варварство».

... Что касается разврата и пьянства, то нет в мире подобного, да и по вымогательству это самые отвратительные люди под солнцем⁴.

... Полагают, что жители Московской области хитрее прочих русских и потому удобнее других обманывают иностранцев⁵.

... Простой народ, подобно, как и в других странах, склонен к порокам. Скифски жесток, в делах торговых хитер и оборотлив, презирает все иностранное, а все свое считает превосходным; в обращении, исключая немногих, груб; к крепким напиткам так пристрастен, что пропивает обувь, одежду, верхнее и даже исподнее платье⁶.

Среди других черт московского населения историографы чаще всего отмечают любовь к бане и крайнюю набожность, которая мирно уживается с народными суевериями и дикими обычаями. Таковую Москву получает в наследство Петр Великий. Существует легенда, что Петр Москвы не любил. Трудно сказать, так ли это, но совершить резкий поворот в государственном развитии и сохранить столицей Москву он психологически не мог. Мешал не только личный опыт неудачной женитьбы и любви, стрелецкие бунты и предательство в семье, но и накопленный груз представлений и негативных оценок. Начало новой исторической эпохи вступления России на европейский путь развития нуждалось в зримом подтверждении – создании принципиально новой, европейской среды обитания, отражающей приобщение к ценностям европейской культуры и символизирующей формирование нового государства европейского типа.

⁴ Ричард Ченслором,

Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны (1553-1554) – Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., «Столица», 1991, с. 37.

⁵ Эльзевир из Лейдена,

Руссия или Московия (1588) – Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., «Столица», 1991, с. 306.

⁶ Адольф Лизек,

Сказание Адольфа Лизека, посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 году – Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII веков. М., «Столица», 1991, с. 364.

⁷ Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург – Полное собрание сочинений, т. 5, М., Художественная литература, 1950, с. 211.

Петр I не любил Москвы, где на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней, закоренелую старину и упрямое сопротивление суеверия и предрассудков⁷.

Попытки «европеизации» Москвы, предпринятые Петром, встречали глухое сопротивление. Его указы 1700-1705 годов о ношении одежды «венгерского, саксонского и французского образцов», бритье бород, устройстве праздничных фейерверков и ассамблей, регуляризации городского плана и принципов городской застройки казались бессмысленными затеями. Городу, полному изначального недоверия ко всему иностранному, выстроенному на православной идее, невозможно было сделать «прививку» немецкой культуры, не нарушая при этом традиций, освященных временем.

Немецкая слобода, выросшая в Москве, стоит перед ней живым соблазном. Как разрешить эту повелительно поставленную судьбой задачу: усвоить немецкие хитрости, искусства, науку, не отрекаясь от своих святынь⁸.

Москва, столица Московского царства, Москва уже по самому своему положению в центре Руси, не могла соответствовать видам Петра на всеобщую и коренную реформу: ему нужна была столица на берегу моря⁹.

Начало истории Петербурга отодвинуло реформирование Москвы на второй план. Создание Петербурга не сразу изменило отношение к Москве. Более десятилетия она продолжала выполнять свои столичные функции, и ей по-прежнему отводилась главная роль в государственной жизни. Даже переезд двора в 1712 г. в Петербург не слишком повлиял на снижение статуса города. Лишь в 1714 г. вышел указ «О запрещении на несколько лет строить во всем Государстве каменные дома», в числе прочих городов и в Москве, что сразу поставило старую столицу на ступень ниже новой. Спустя четыре года право на каменное строительство было возвращено Москве, но уже как второй столице.

Утрата Москвой властных функций только подчеркнула ее роль духовной столицы. Петербург был молод, олицетворяя собой Российскую Империю, сменившую Московское Царство. Образ бывшей столицы подернулся патиной почтенной старины. Миф «священного города» снова стал ключевым. Компромисс между царской и имперской столицами был найден, когда за Москвой закрепился титул «первопрестольной», нравственно-религиозного и «духовного» центра страны. Важнейшие события в жизни царствующей семьи: рождение, бракосочетание, венчание на царство, именины и т.д., были возведены в ранг государственных праздников и отмечались в Москве.

Но кроме образа «древней столицы» и «святого города» за Москвой закрепляется слава «бездельницы»: в Москву отправляют «на покой». Сюда приезжают, чтобы выбрать невесту, жениться и остепениться.

⁸ Г. П. Федотов, Трагедия интеллигенции – Лицо России, т. 1, статьи 1918-1930 гг., 2-е изд., YMCA-PRESS, 1988, с. 87-88.

⁹ Белинский В. Г. Петербург и Москва – Собрание сочинений, т. 2, ОГИЗ, 1948, с. 764.

Освободившись от груза государственных обязанностей, Москва сразу добреет. Очень быстро забыты ужасы XVI-XVII веков. Она уже «радушная», «хлебосольная», своя, родная, православная.

По смерти Петра Великого Москва сделалась убежищем опальных дворян высшего разряда и местом отдохновения удалившихся от дел вельмож. Вследствие этого она получила какой-то аристократический характер, который особенно развился в царствование Екатерины Второй. Кто не слышал о широкой распашной жизни вельмож в Москве? Кто не слышал рассказов о том, как в своих великолепных палатах ежедневно угощали они столом и званого и незваного, и знакомого и незнакомого, и в городе и в деревне, где для всех открывали они свои пышные сады?¹⁰

¹⁰ Белинский В.Г. Петербург и Москва – Собрание сочинений, т. 2, ОГИЗ, 1948, с. 770.

Война 1812 г. разорила московское барство. Грандиозный пожар, охвативший Москву после вступления в город войск Наполеона, превратил в руины почти весь город. По донесению обер-полицеймейстера от 20 января 1813 г. в Москве сгорело до 70% городской застройки: из 9158 домов было уничтожено 6532, пострадало 123 церкви. Уже во времена Пушкина бывшая роскошь московских пиров и забав сильно поблекла. Поэт отмечал запустелость городских улиц, заброшенность городских и загородных усадеб, «запущенность» и «одичалость» города.

Однако сожженная и разрушенная, но не покоренная Москва, сыгравшая исключительную роль сначала в моральном, а затем и реальном поражении Наполеона, обрела новый смысл, став символом бессмертия духа России. Разорение войны 1812 г. превратило Москву в страдальицу, а значит общую любимицу. Но Россия любила Москву не только за перенесенные страдания и силу духа, которая так соответствовали православному принципу обретения истинных ценностей (Бога) через страдание, она любила свою прежнюю столицу за то, что узнавала в ней себя. Москве долго удавалось сохранить провинциальный уклад жизни, сочетая его с благами цивилизации и культурным назначением столицы.

Вы все найдете в Москве: и столицу с европейским просвещением, и губернские города с их русской физиономией и французскими замашками, и уездные городки с их радущим хлебосольством и дедовскими обычаями. Да что я говорю – города! Вы найдете в Москве самые верные образчики нашего простого сельского быта, вы отыщете в ней целые усадьбы деревенских помещиков, с выгонами для скота, фруктовыми садами, огородами и другими принадлежностями сельского хозяйства¹¹.

¹¹ Загоскин М.Н. Четыре визита – Москва и москвичи. Полное собрание сочинений. Т.7, М., 1898, с. 12.

Москва же в России видела любимое дитя, одаренное и ни на кого не похожее. Взаимная любовь закрепила за Москвой образ «сердца России». Москва по-обломовски жалела Россию, не принуждая ее к насильственной модернизации и западному просвещению, она надеялась, что, благодаря силам, скрытым в народе, все и так образуется. Терпеливое учение и воспитание, вера и сохранение традиций, соборность и земство – вот пути преобразования России. Из просвещенного

охранения московской старины выросли славянофильство и евразийство, овладевшие лучшими умами российской интеллигенции и заставившие усомниться в единственности и правильности выбранного Петром I западного пути развития страны. Православие, кириллическое письмо и принадлежность к византийской культурной традиции заметно отличали Российскую культуру от европейской, указывая на ее самобытность. Воскрешенное «византийство» рождало новое отношение к Москве. Наряду с преклонением перед ее «святостью» и традиционным умилением смесью городских и сельских пейзажей появляется восхищение ее самобытностью, непохожестью на другие города. Славянофил М. Загоскин – один из наиболее известных московских бытописателей, писал:

Россия точно так же не походит на все западные государства, как Москва не походит на все европейские города ... на великолепный Петербург, шеголеватый Берлин, на Париж, и вообще на все города Европы. Она прекрасна собственной незамысловатой красотой¹².

¹²Загоскин М. Н.
Четыре визита – Москва и москвичи. Полное собрание сочинений. Т. 7, М., 1898, с. 25.

«Москва золотоголовая» – еще один миф, рожденный из переплетения образов святого города, византизма и радушного хлебосольства. Православная составляющая мифа представляла город гигантским «свещником» (подсвечником), обращенным к небу сотнями «золотых огней» – куполов церквей, увенчанных золотыми крестами. Византийская – указывала на уникальность московского златоглавия, сказочное «чудо чудное и диво дивное». Одновременно «Москва золотоголовая» отражала идеал великорусской нарядной праздничности. Столица представлялась как пасхальный стол, с куличами и крашенными яйцами, где смешивались, как на картинах Кустодиева, веселый трезвон, кумачевые рубахи, шапки набекрень, – словом, гуляющая, веселящаяся Русь¹³. Это ощущение прекрасно передает песня времен белой эмиграции, сохраняющая свою популярность и в современной России:

¹³Г. П. Федотов.
Три стащилы – Лицо эссы. т. 1, статьи 1918-1930 гг., 2-е изд. УМСА-PRESS, 1988, с. 61.

Москва золотоголовая, звон колоколов, Царь-пушка державная,
аромат пирогов,
Конфетки, бараночки, словно лебеди саночки, ой вы кони залетные,
слышен смех с облучка,
Гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные, грациозно сметают
рыхлый снег с каблучка

В XX век Москва вошла огромным провинциальным городом, «большой деревней», прозванной так злыми языками Петербурга, но вокруг нее уже формировались иные образы и мифы. Поклонение святым местам и верность традициям отступили перед поклонением «золотому тельцу» и напором прогресса. Обывательская, обломовская Москва стала «первопрестольной» для бурно развивающегося российского капитализма и авангардного искусства. Старомосковские гульба и пьянство превратили ее в «Москву-кабацкую». Господство

«нового» вкуса, соседство допотопного и современного породили снобистское отношение к Москве: «Здесь много делают, но ничего не доделывают...», «Претенциозная безвкусица...».

Оставим здесь Москву, чтобы вернуться в Петербург. Город, изначально строившийся как идеальный, очень быстро оброс мифами. Новая столица была названа не просто Петербургом, а Санкт-Петербургом, т.е. в честь небесного покровителя Петра I. Главным, самым высоким и выразительным зданием нового города стал Петропавловский собор, расположенный в одноименной крепости.

Петербург – город Святого Петра в России не мог не вызывать ассоциаций с другим городом Святого Петра – Римом¹⁴. Старая идея «Третьего Рима» обнаружила удивительную способность к трансформации, но теперь она была переосмыслена через призму имперской идеи и служила не православию, а цареславию¹⁵. Отношение к монарху приобретает откровенно выраженный религиозный характер. Сакрализация Петра началась еще при его жизни. Придворные историографы находили многочисленные жизненные аналогии, указывавшие на близость судеб Петра Великого и византийского императора Константина Великого: казнь первого сына, тяжелая судьба первых жен, изменение летоисчисления, основание новых столиц и т.д.

Однако параллели проводились не только с Византией. Как известно, свои имена городам давали и русские князья – Святой Владимир, Ярослав, Юрий и т.д. Для укоренения имперского Петербурга в русской истории использовался полузабытый культ апостола Андрея (брата апостола Петра) и возрождения интереса к памяти святого князя Александра Невского. От Андрея ниточка тянулась к Киеву, а от Александра к Новгороду Великому.

Согласно преданию, апостол Андрей поднялся вверх по Днепру, водрузил крест на Киевских горах и предсказал возникновение там нового могучего города (Киева) и государства (Киевской Руси). Александр Невский, князь Новгородский, получил свое прозвание за победу в устье Невы над шведами в 1240 г., угрожавшими не только завоеваниями Псковскому и Новгородскому княжествам, но и самому существованию православия на северо-западе Руси. Основывая столицу на Невских берегах, Петр как бы выполнял завет Александра не сдавать невосковой победы. В 1710 г. Петр распорядился начать строительство монастыря во имя Святой Троицы и Святого Александра Невского, а в 1724 г. состоялся перенос мощей князя в Петербург.

В результате сложных ассоциативных построений новый «царствующий град» оказывался продолжателем европейской, византийской и русской традиций, объединяя в себе Рим, Константинополь, Киев, Новгород и Москву¹⁶.

Одновременно с государственным мифотворчеством шло развитие мифов и на бытовом уровне. Первый из них и наиболее знаменитый – «окно в Европу». Пушкин в своих примечаниях к Медному всаднику приводит высказывание Альгаротти: «Petersbourg est la

¹⁴ Кириченко Е. И. *Сакральный, государственный и социальный аспекты градостроительства – Город и искусство: субъекты социокультурного диалога.* М., НАУКА, 1996, с. 92-103.

¹⁵ Успенский Б. А. *Семiotика истории. Семiotика культуры – Избранные труды.* Т. I. М., 1994, с. 111.

¹⁶ Кириченко Е. И. *Сакральный, государственный и социальный аспекты градостроительства – Город и искусство: субъекты социокультурного диалога.* М., НАУКА, 1996, с. 92-103.

fenetre par laquelle la Russie regarde en Europe». Используя удачный афоризм итальянца, поэт придал ему больше динамизма, написав от имени Петра: «...природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно». Метафора удивительно верно отразила выбор местоположения города, вынесенного на самый край только что отвоеванной территории. Через это открытое окно ворвался в Россию свежий ветер обновления и преобразований.

Но воплощение европейских идеалов сделало Петербург исключением для России, городом-аристократом, избранным, отдельным, непонятым, ни на кого не похожим. В Москве было барство, в Петербурге – высший свет. Исключительность во всем: в архитектуре, разговоре на иностранных языках, науках, одеждах, манерах и т.д. Одним словом, немецкое пятно на русской карте. Удивительным образом непохожесть Петербурга трансформировалась в сознании в свою противоположность, ведь особенный для России, еще не значит особенный вообще. Теперь уже Москва позволяет себе высокомерно судить о Петербурге: «В Петербурге нет ничего оригинального и самобытного. Он некое воплощение идеи столичности, как две капли воды похожий на все европейские города».

Игра в противопоставление Москвы и Петербурга родила забавный миф о половых различиях в характере двух столиц. На эту изящную мысль натолкнула грамматика, слово «Москва» женского рода, а «Петербург» – мужского. Родоначальником мифа стал великий русский фантаст и мистификатор Гоголь, написавший: «Москва – женского рода, Петербург – мужского. В Москве все невесты, в Петербурге – женихи». Идея одарить каждый из городов специфическими женскими и мужскими чертами выглядела увлекательно, но, как всегда в творчестве Гоголя, его фантазии были приняты за объективную российскую реальность, а гендерные описания Москвы и Петербурга обрели вес классической концепции, обрастая все новыми подробностями. За Петербургом закрепились такие качества как рациональность, сдержанность, немногословность, расчетливость, сухость, просвещенность, холодность, бесстрастность, за Москвой – эмоциональность, бестолковость, болтливость, расточительность, доброта, домашность, отсутствие вкуса. В общем, плохой муж и плохая жена.

Особенный Петербургский миф, это – город-чиновник, город форменных мундиров, официальный и бюрократический. По словам Белинского, треть населения северной столицы состояла из военных, но еще больше было штатских чиновников. Здесь жила, трудилась и отдыхала вся властная элита. Черствое и равнодушное чиновничество холодно взирало на провинциалов, приезжавших обивать пороги министерств и канцелярий. Взятничество, коррупция и суета. Город деловых людей, рождающий каламбуры вроде «в Петербурге делают *ничего*, а в Москве *ничего* не делают».

Еще более фантастично выглядит миф о эфемерной природе Петербурга («Город-мираж»). Северная столица строилась настолько

быстро, что ее буквальное появление «из болот», в топком устье Невы, казалось фантастическим. Эффект усиливался сырым климатом и белыми ночами. Белинский писал: «О Петербурге привыкли думать, как о городе, построенном даже не на болоте, а чуть ли не на воздухе».

Петербург – случайное и эфемерное порождение эпохи, принявшей ошибочное направление, гриб, который в одну ночь вырос и в один день высох¹⁷.

Иностранцев путешественников не оставляет впечатление, что город однажды так же быстро исчезнет в болотах, как и возник из них, что построенное летом разрушится зимой. Жить здесь невозможно. Все иллюзорно, все обман. Туманный воздух пропитан сыростью и миазмами. Гибель Петербурга, кажется, предрешена. Сама идея – замостить болота гранитом и воздвигнуть римские портики среди чахлах березок, безумна для рационального сознания. Римским богам нечего делать среди убогих чухонцев. «Мираж» Петербурга неизбежно должен рассеяться.

Стоит монарху на один день забыть эту столицу, не имеющую корней ни в истории, ни в почве, стоит ему под влиянием новых политических веяний обратить взор в иную сторону, и сдерживающий реку гранит искрошится, низины вновь покроются водой и вся эта безлюдная местность отойдет к ее первоначальным хозяевам. Подобные мысли посещают всех иностранцев, прогуливающих по улицам Петербурга; никто не верит в долготлетие этой волшебной столицы. Плох тот путешественник, кто не склонен к раздумьям, а между тем стоит задуматься, как понимаешь, что достаточно России начать войну или переменить политический курс, и творение Петра лопнет, как мыльный пузырь¹⁸.

Поразительно, но рядом с Петербургом, на Балтийском побережье, в аналогичных климатических условиях находятся и многие другие города, в том числе и столицы, но ни один из них не вызывал аналогичных ассоциаций. Приморский климат Петербурга, его белые ночи, дожди и туманы в силу экзотичности для континентальной России родили огромное количество литературных образов, ставших в восприятии людей реальнее объективно существующих погодных условий.

Сырость и промозглость, туманная призрачность в сочетании с насилием, заложенным в основание города обеспечили Петербургу славу «мучителя». Город, «построенный на костях» одновременно стал символом сверхчеловеческой воли к величию и насилия над человеческой личностью и натурой. «Дома-гробы» или «каменные мешки», «дворы-колодцы», отсутствие солнца и вечная сырость под ногами, туберкулез и перспектива болотной трясины на кладбище – ужасный, бесчеловечный город.

Неслучайно именно Петербург стал «колыбелью революции». Петербург принес России плоды просвещения, которые позволили ей не только освоить европейские достижения, но и заявить о своем месте в мировой культуре. Город давал ясный и простой пример, как

¹⁷ Белинский В. Г. *Петербург и Москва – Собрание сочинений, т. 2, ОГИЗ, 1948, с. 772.*

¹⁸ Астольф де Кюстин. *Россия в 1839 году. М., Изд. им. Сабашниковых, 1996, т. 1, письмо 10, с. 146.*

усилиями человеческой воли можно изменить мир, подчинив его развитие рациональным началам. Культурное раскрепощение России, казалось, доказывало, что «цель оправдывает средства», а будущее величие – бесчисленные жертвы сегодня.

Спустя два столетия на смену Петру I пришел Ленин с той же жадной разрушения и переустройства мира, с тем же отрывом от устоявшегося быта и традиций. Только теперь предстояло переделать не только Российскую Империю, но и весь мир. Революция – дитя Петербурга. В ней видно то же упрямое следование идее, та же беспощадность в ее воплощении, тот же разрыв поколений, противопоставивший детей отцам, то же отрицание прошлого.

Миф о «колыбели» (конечно, с позитивной окраской и другими акцентами) оказался позднее закреплён в революционной историографии, став каноническим. «Колыбель» оказалась мумифицированной, а город заполнился многочисленными памятниками и мраморными плитами. Самыми массовыми стали экскурсии по местам революционного прошлого.

Империя умерла, разложившись в невыносимом зловонии. Революция утонула в крови и грязи. Теперь нет города в России, где не было бы Музея Революции. Это верный признак ее смерти: она на кладбище. ... Когда ходишь по Зимнему дворцу, превращенному в музей революции или по Петропавловской крепости, то начинаешь уже путать: чьи это памятники и чьи гробницы: цареубийц или царей?¹⁹

Консервация «мифа» отчасти способствовала сохранности архитектурного облика северной столицы, хотя сами «свидетели истории» многократно менялись, замещались и т.д. Известно, что от реальной Авроры не осталось ничего, кроме названия.

В 1918 г. большевистское правительство переносит столицу в Москву. Официальный мотив – близость Питера к охваченным войной границам, опасность немецкой интервенции. Думается, что другой мотив был более серьезным. Так же как Петр I не мог строить европейскую Россию из Москвы, большевики не могли удержать государство от распада из Петербурга. Для всей страны он был символом царизма и насилия. Москва была понятнее, проще и народной. Москва точнее, чем Петербург, воплощала национальную идею, пусть и чуждую коммунистам.

Перенос столицы в Москву резко изменил ее образ. Теперь тяжесть государственного строительства снова ложится на ее плечи. Древний Кремль, парадоксальным образом, из национальной православной святыни, превратился в форпост угнетенных народов, вместилище авангардной идеологии. Любые социальные идеи казались осуществимыми, а все существовавшее – устаревшим и требовавшим замены. Утопические проекты первых послереволюционных годов рисовали Москву как город всеобщего равенства, технически совершенный и функционально оправданный.

Однако аскетизм послереволюционных лет не позволял увидеть изобильное коммунистическое будущее. Чтобы представить в трудном и бедном «сегодня» счастливое и беззаботное «завтра», необходимы были зрительные образы, материализующие лозунги эпохи. Поэтому для реконструкции Москвы стали использовать только самые дорогие материалы. Метро украсилось мрамором и бронзой, старая застройка безжалостно сносилась. В столицу свозилось продовольствие со всей страны. Плодородие и плодovitость стали главными темами городского декора. На стенах домов появились огромные лепные корзины, наполненные овощами и фруктами, консоли балконов изображали рога изобилия, крепкие радостные женщины поднимали на руках пухлых младенцев, венки из колосьев оплетали карнизы зданий. Апофеозом «изобилия» была Выставка Достижений Народного Хозяйства. В ее центре помещался огромный фонтан «Колос», олицетворявший счастливую и изобильную жизнь, которая ждала все народы СССР.

Но еще больше, чем «страной изобилия», Москва хотела быть символом прогресса, «русской Америкой» со своими небоскребами и дворцами науки. Будущее стало ассоциироваться с «обществом образованных людей». Московский Университет, выстроенный на высоком берегу Москва-реки, стал одним из главных его символов. Одновременно в городе возникло множество научно-исследовательских институтов, для которых были построены впечатляющие здания в неоклассическом стиле. Компактно расположенные вблизи Университета, они создавали образ Москвы как города Науки. Человек с книгой, линейкой или микроскопом стал главным действующим лицом нового декора.

Новая эпоха рождала новые мифы, главный из которых – «развитой социализм построен». Москве был определен статус «образцового коммунистического города», популярная песня активно внедряла в сознание: «Москва – лучший город земли».

Но все это мифы официальные. В бытовом сознании же формируется глубоко негативный образ столицы. Население жеутается на «коренных москвичей» и «приезжих». Все чаще говорят, что Москва – это еще не Россия, сравнивают ее с сумасшедшим домом. Москву и москвичей в особенности в России не любят. Москва – это тупое и равнодушное чиновничество. Словом весь набор, который в начале века адресовался Петербургу.

А что же Питер? Освободившись от тяжести Российской Империи, город физически разрушался, а духовно возрождался. На протяжении всего советского времени им не переставали восхищаться. Восторг перед совершенством Питера нес в себе сладость инакомыслия, все-таки это был «запад». Населению северной столицы приписывалась большая утонченность, образованность и рафинированность.

Особую роль в формировании нового образа Питера сыграла война. Муки, выпавшие на долю северной столицы, и мужество, с которым она их перенесла, потрясли всю страну. Ореол мученичества

сделал из города один из главных символов Победы. Война окончательно стерла с лица города все нерусские черты. Остатки дореволюционной жизни канули в прошлое. В блокадном городе оставались только дворцы и призраки. Но Петербург-Ленинград не только не умер, он воскрес как самый святой город страны.

Новое облако мифов, окружившее Петербург, позволяло его жителям совершенно откровенно свысока смотреть на Москву, ощущая за собой некое подсознательное право. Медленно разрушающийся, лишенный своего имени, но чрезвычайно гордый своей миссией и судьбой город духовно жил отрицанием новой Москвы. Сначала Москвы бюрократической и чиновничьей, а сегодня Москвы «необуржуазной».

А что же Москва? Она, отдавая должное величию архитектурного облика, находила Петербург провинциальным, или просто не замечала его. Сегодняшняя Москва наращивает мускулы и всеми силами стремится вернуть себе утраченный образ «сердца России», активно культивируя миф о Храме и священном городе. По всем показателям экономического развития Москва оставила Петербург далеко позади, но северная столица не смирилась в борьбе за капиталовложения. Петербург стремится вернуть себе хотя бы часть властных полномочий, а еще лучше разделить поровну их с Москвой, справедливо полагая, что власть – это деньги.

Диаметрально переменялись ориентации Москвы и Петербурга. Теперь Москва претендует на роль Европейского города, при этом западничество трактуется как продвинутость реформ, развития сферы услуг, трансформация внешнего облика и т.д., а Петербург выражает самобытность России, с ее презрением к меркантильности и приоритетом духовных ценностей. Ныне он называет себя «культурной столицей России». Миф об «интеллигентности» Петербурга, игравшей долго время роль моральной компенсации за утрату столичного статуса, сегодня приобрел наступательную агрессивность и используется как оружие «дальнего радиуса действия».

* * *

Ситуация одновременного и совместного существования двух столиц – новой и старой, формальной и неформальной – в пределах одного государства далеко не уникальна. Европа полна таких примеров, да и в самой России в допетровскую историческую эпоху власть делилась то между Киевом и Владимиром, то между Владимиром и Новгородом или Владимиром и Москвой. Хорошо известны примеры разделения столичных функций и за пределами Европы, не будем их повторять. Процесс столицеобразования идет и сегодня. Возникли межгосударственные столицы Брюссель, Страсбург и Женева. Целый ряд крупнейших мегаполисов мира, таких как Лондон, Париж, Франкфурт, Токио, Нью-Йорк приобрели статус глобальных городов, расширив сферу своего влияния далеко за пределы национальных государств,

став мировыми столицами. Процесс стягивания столичных функций в наиболее сильные фокусы политического и экономического пространства и затем их перераспределения между ключевыми центрами принятия решений шел всегда. Очевидно, что его нельзя остановить. Всякий новый виток развития провоцирует борьбу за новые политические и экономические ресурсы, приводя к перераспределению ролей во властной иерархии.

Специфика российской ситуации состоит, пожалуй, в ограниченности выбора. На всем обширном пространстве российского государства только два города могут претендовать на роль столицы, в отличие от Европы, где множество городов, обладая сравнимым культурным и экономическим потенциалом, имеют столичное прошлое и столичный статус. Наличие только двух вершин – Москвы и Петербурга, в российском социально-политическом ландшафте и рождает вечное соперничество между ними.

Анализ мифов, сложившихся вокруг обеих российских столиц, показывает, что для самоидентификации города как столицы ключевыми являются: 1) вписанность в мировой цивилизационный контекст; и 2) корни в историческом развитии своей страны. Первое позволяет определять собственное место и значение в мировом развитии, а второе – играет роль цементирующего фактора, позволяющего мобилизовать внутренние ресурсы государства в случае угрозы распада или внутренних конфликтов.

Целенаправленное государственное мифотворчество развивается именно в этих направлениях. Достаточно вспомнить такие утверждения, как «Москва – собирательница земель русских», «Петербург – окно в Европу» и т.д. На примере Петербурга можно видеть каким образом происходит перекодировка старых мифов, необходимых для признания за новым городом права на столичный статус.

Активная самопрезентация Москвы и Петербурга, начавшаяся после распада СССР, когда идея очередного переноса столицы витала в воздухе, служит другим подтверждением этого факта. Изменившееся геополитическое положение страны потребовало выработки новых представлений о месте и роли ее столиц. Каждый из городов начал подчеркивать наиболее индивидуальные черты в своем образе, при этом Москва стала восстанавливать храмы и церкви и возрождать сакральный миф о «сердце России», а Петербург – миф о единственном в России «европейском городе». Но вскоре обе столицы расширили спектр самоидентификации – Москва стала активно формировать имидж мирового, прежде всего европейского города, а Петербург подчеркивать русское происхождение своей духовности.

Возникает вопрос, возможно именно борьба за титул столицы является основной причиной конфликта между двумя главными городами России? Однако, ни Москве, ни Петербургу нет необходимости самоутверждаться как столицам, они давно приобрели этот статус и он ни у кого не вызывает сомнений. Выполнение административных

функций одной из столиц не отменяет существование другой. Конфликт столиц нельзя свести к банальному противоречию «центр-периферия», типичному для отношений столицы и провинции. Нет в нем и противоречия цивилизационного выбора, обозначенного «почвенниками» и «западниками». Оба города еще в середине XIX века переболели этой болезнью. Знаком выздоровления стало взаимное подражание и копирование наиболее привлекательных и знаковых черт, формированию Петербурга в Москве и Москвы в Петербурге.

Суть межстоличного конфликта заключается в борьбе за доминирующее положение. Старая столица,неважно Москва или Петербург, не желает признавать своей зависимости от новой, стремясь к неформальному лидерству в наиболее престижных для своего времени видах деятельности. Так, в эпоху нарождающегося капитализма, культурной и экономической модернизации крестьянской России, Москва заявила о своем безусловном первенстве в банковском бизнесе и авангардном искусстве, а сталинская индустриализация превратила Петербург в локомотив реформ. Постиндустриальные процессы снова выдвинули вперед Москву. Но, уступив в уровне развития сферы услуг и управления, Петербург заявляет о себе как об основном «производителе» интеллектуальной элиты, давшем стране политических лидеров.

В обеих столицах выработка собственной идентичности происходила за счет утверждения исключительности, противопоставления себя сопернице и отрицания ее положительных свойств. В результате образы двух столиц структурированы как оппозиция: действующая столица характеризуется через негативное отношение к власти, насилию, богатству, бездушию и суете, а отставная выглядит как духовный центр, очаг культуры и просвещения, город красивый, населенный душевными людьми, ведущими неторопливый образ жизни.

Мифологическая перекодировка позволяет городу, утратившему столичный статус, но не столичный потенциал, морально компенсировать утрату властных ресурсов и лидерства. При этом происходит не создание новых мифов, а модификация старых. Это позволяет сохранять узнаваемость образа города, смещая при этом смысловые акценты и оценки. Новые мифы рождаются только новыми целями государственного строительства, как в случае Петербурга – «чиновника» или Москвы – «образцового коммунистического города». Хотя миф о коммунистическом городе можно рассматривать как своеобразную трансформацию сакрального мифа о «Третьем Риме» и «Небесном Иерусалиме» – тоже эталонах.

Ситуация соперничества двух российских столиц, широко обсуждаемая как в публицистике так и в литературе, показывает, что противопоставление Москвы и Петербурга еще далеко не изжитая тема. Но кроме культурных корней этого конфликта, хотелось бы обратить внимание и на объективные причины. Система городов России страдает ярко выраженной пространственной и функциональной асимметричностью. В стране есть крупные города, но большинство

из них – это промышленные центры, лишенные столичных функций и столичного населения. В результате, жизнь огромного государства оказывается сфокусированной в двух, пусть и мощных центрах принятия решений и распространения инноваций. Конкуренция из-за властных и экономических ресурсов, неизбежно возникающая в такой ситуации, обретает черты уникальности – ведь других соперников нет. Поэтому, справедливо будет предположить, что споры между Москвой и Петербургом будут продолжаться до тех пор, пока биполярное социально-политическое пространство России не станет многополярным. Конечно, не стоит ожидать, что в российской глубинке вырастут города сравнимые с Москвой или Петербургом, но процесс формирования региональных столиц начался. Этому способствуют и последние институциональные преобразования страны, введение федеральных округов и придания целому ряду областных центров столичного статуса. К тому же активно обсуждаются проекты децентрализации функций управления, сосредоточенных в Москве, переноса обеих палат российского Парламента в Петербург, создание там резиденции Президента и т.д. Очередное перераспределение столичных ролей должно вписать новые страницы в историю уже трехвекового спора.